

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Новогоднее литературное приложение к газете "Абхазский меридиан" декабрь 2025 г.

FRIEDRICH
EBERT
STIFTUNG

Фазиль Искандер или просто Фазиль, и этим все сказано.

В универсальном художественном мире этого великого писателя есть притягательная сила, завораживающая своей красотой, глубиной мыслей и чувств.

Войдя в нашу жизнь однажды, он остается в ней навсегда.

Предлагаемый нашим читателям рассказ "Петух" был впервые опубликован в сборнике Искандера "Праздник ожидания праздника". В этом непрятязательном, на первый взгляд, повествовании, полном искрометного юмора и житейской откровенности, писатель исследует истоки нравственного воспитания своего героя.

В грузинской части нашего литературного диалога представлено творче-

С детства меня не любили петухи. Я не помню, с чего это началось, но, если заводился где-нибудь по соседству воинственный петух, не обходилось без кровопролития.

В то лето я жил у своих родственников в одной из горных деревень Абхазии. Вся семья — мать, две взрослые дочери, два взрослых сына — с утра уходила на работу: кто на прополку кукурузы, кто на ломку табака. Я оставался один.

Обязанности мои были легкими и приятными. Я должен был накормить козлят к полудню принести из родника свежей воды и вообще присматривать за домом.

Жизнь казалась осмысленной и прекрасной. Здоровый воздух, здоровое питание — и я наливался соком, как тыква на хорошо унавоженном огороде.

В доме я нашел две книги: Майн Рида «Всадник без головы» и Вильяма Шекспира «Трагедии и комедии». Первая книга потрясла меня. Имена героев звучали как сладостная музыка: Морис мустанг, Луиза Пойндекстер, капитан Кассий Колхун, Эль-Койот и, наконец, во всем блеске испанского великолепия Исидора Коваруби де Лос-Льянос.

— Просите прощения, капитан, — сказал Морис-мустанг и приставил пистолет к его виску.

— О ужас! Он без головы!

— Это мираж! — воскликнул капитан.

Книгу я прочел с начала до конца, с конца до начала и дважды по диагонали.

Трагедии Шекспира показались мне смутными и бессмыслицами. Зато комедии полностью оправдали занятия автора сочинительством. Я понял, что не шуты существуют при королевских дворах, а королевские дворы при шутах.

Домик, в котором мы жили, стоял на холме, круглосуточно продувался ветрами, был сух и крепок, как настоящий горец.

Куры мирно паслись во дворе, чирикали воробы и цыплята. Но демоны мятеха не дремали. Несмотря на мои предупредительные крики, почти ежедневно появлялся ястреб. То пикируя, то на бреющем полете он подхватывал цыпленка, утяжеленными мощными взмахами крыльев набирал высоту и медленно удалялся в сторону леса. Это было захватывающее зрелище, я иногда нарочно давал ему уйти и только тогда кричал для очистки совести. Поза цыпленка, уносимого ястребом, выражала ужас и глупую покорность. Если я вовремя поднимал шум, ястреб промахивался или ронял на лету свою добычу. В таких случаях мы находили цыпленка где-нибудь в кустах, контуженного страхом, с оштукатуренными глазами.

— Не жилец, — говорил один из моих братьев, весело отсекал ему голову и отправлял на кухню.

Вожаком куриного царства был огромный рыжий петух. Самодовольный, пышный и коварный, как восточный деспот.

Через несколько дней после моего появления стало ясно, что он ненавидит меня и только ищет повода для открытого столкновения. Может быть, он замечал, что я поедаю яйца, и это оскорбляло его мужское самолюбие. Или его бесила моя нерадивость во время нападения ястребов? Я думаю, и то и другое действовало на него, а главное, по его мнению, появился человек, который пытается разделить с ним власть над курами. Как и всякий деспот, этого он не мог потерпеть.

Я понял, что двоевластие долго продолжаться не может, и, готовясь к предстоящему бою, стал приглядываться к нему.

Петуха нельзя было отказать в личной храбости. Во время ястребиных на-

летов, когда куры и цыплята, кудахтая и крича, разноцветными брызгами летели во все стороны, он один оставался во дворе и, гневно клокоча, пытался восстановить порядок в своем робком гареме.

Обычно он пасся во дворе или в огороде в окружении двух-трех фавориток, не выпуская, однако, из виду и осталь-

ство одного из видных представителей современной грузинской литературы Гурама Одишиария, в произведениях которого тема Абхазии занимает главное, центральное место.

Именно Абхазии посвящен его популярный роман "Кот президент", изданный во многих странах мира. Его главный герой Михаил Тимурович Бгажба не литературный персонаж, а реальный, живой человек, ставший частью абхазского народного фольклора.

Эпикурианец и высокий партийный руководитель, фантазер и мудрец, для которого жизнь стала страницей из сказки и трагическим приключением. Он смотрит на жизнь как бы сверху, приподнявшись над ее обыденностью.

Впрочем, судите сами.

Гия ПЕРАДЗЕ

и ждал. Но гроза должна была разразиться, и она разразилась.

Однажды, когда я обедал на кухне, он вошел и стал у дверей. Я бросил ему несколько кусков мамалыги, но, видимо, напрасно. Он склевал подачку и всем своим видом давал понять, что о примирении не может быть и речи.

Делать было нечего. Я замахнулся на него головешкой, но он только подпрыгнул, вытянул шею наподобие гусака и уставился ненавидящими глазами. Тогда я швырнул в него головешкой. Она упала возле него. Он подпрыгнул еще выше и ринулся на меня, извергая петушиные проклятия. Горячий, рыжий ком ненависти летел на меня. Я успел заслониться табуреткой. Ударившись о нее, он рухнул возле меня как поверженный дракон.

Я успел переменить позицию и отступил в сторону двери, прикрываясь табуреткой, как римлянин щитом.

Когда я переходил двор, он несколько раз бросался на меня. Каждый раз, взлетая, он пытался, как мне каза-

лся и хладнокровным бойцом. Я достал разлапную палку и, действуя ею, как трезубцем, после нескольких неудачных попыток прижал петуха к земле. Его мощное тело неистово билось, и содрогания его, как электрический ток, передавались мне по пальце.

Безумство храбрых вдохновляло меня. Не выпуская из рук палки и не ослабляя ее давления, я нагнулся и, поймав мгновение, прыгнул на него, как вратарь на мяч.

Я успел из всех сил сжать ему глотку. Он сделал мощный пружинистый рывок и ударом крыла по лицу оглушил меня на одно ухо. Страх удесятил мою храбрость. Я еще сильнее сжал ему глотку. Жилистая и плотная, она дрожала и дергалась у меня в ладони, и ощущение было такое, как будто я держу змею. Другой рукой я обхватил его лапы, клешни-натые когти шевелились, стараясь нашупать тело и врезаться в него.

Но дело было сделано. Я выпрямился, и петух, издавая сдавленные вопли, повис у меня на руках.

Все это время братя вместе с теткой хохотали, глядя на нас из-за ограды. Что ж, тем лучше! Мощные волны радости пронизывали меня. Правда, через минуту я почувствовал некоторое смущение. Побежденный ничуть не смирился, он весь склокатал мстительной яростью. Отпустить — набросится, а держать его бесконечно невозможно.

— Перебрось его в огород, — посоветовала тетка. Я подошел к изгороди и швырнул его окаменевшими руками.

Проклятие! Он, конечно, не перепетел через забор, а усился на него, распластав тяжелые крылья. Через мгновение он ринулся на меня. Это было слишком. Я бросился наутек, а из груди моей вырвался древний спасительный клич убегающих детей:

— Ма-ма!

Надо быть или очень глупым, или очень храбрым, чтобы поворачиваться спиной к врагу. Я это сделал не из храбрости, за что и поплатился.

Пока я бежал, он несколько раз догонал меня, наконец я споткнулся и упал. Он вскочил на меня, он катался по мне, надсадно хрюя от кровавого наслаждения. Вероятно, он продолбил бы мне позвоночник, если бы подбежавший брат ударом мотыги не забросил его в кусты. Мы решили, что он убит, однако к вечеру он вышел из кустов, притихший и опечаленный.

Промывая мои раны, тетка сказала:

— Видно, вам вдвое не ужиться. Завтра мы его зажарим.

На следующий день мы с братом начали его ловить. Бедняга чувствовал недоброе. Он бежал от нас с быстротою страуса. Он перелетал через огород, прятался в кустах, наконец забился в подвал, где мы его и выловили. Вид у него был затравленный, в глазах тосклиwy укор. Казалось, он хотел мне сказать: «Да, мы с тобой враждовали. Это была честная мужская война, но предательства я от тебя не ожидал». Мне стало как-то не по себе, и я отвернулся. Через несколько минут брат отсек ему голову. Тело петуха запрыгало и забилось, а крылья, судорожно трепыхаясь, выбились, как будто хотели прикрыть горло, откуда хлестала и хлестала кровь. Жить стало безопасно и... скучно.

Впрочем, обед удался на славу, а острые ореховые подливки растворили остроту моей неожиданной печали.

Теперь я понимаю, что это был замечательный боевой петух, но он не во время родился. Эпоха петушиных боев давно прошла, а воевать с людьми — пропащее дело.

Публикуется с сокращениями

Фазиль Искандер

ПЕТУХ

ных кур.

Порою, вытянув шею, он посматривал в небо: нет ли опасности?

Вот скользнула по двору тень парящей птицы или раздалось карканье вороньи, он воинственно вскидывает голову, озирается и дает знак быть бдительными. Куры испуганно прислушиваются, иногда бегут, ища укрытое место. Чаще всего это была ложная тревога, но, держа сожительниц в состоянии нервного напряжения, он подавлял их волю и добивался полного подчинения.

Разгребая жилистыми лапами землю, он иногда находил какое-нибудь лакомство и громкими криками призывал кур на пиршество.

Пока подбежавшая курица клевала его находку, он успевал несколько раз обойти ее, напыщенно волоча крыло и как бы захлебываясь от восторга. Затем эта обычно кончалась насилием. Курица растерянно отряхивалась, стараясь прийти в себя и осмыслить случившееся, а он победно и съязвил.

Если подбегала не та курица, которая приглянулась ему на этот раз, он загораживал свою находку или отгонял курицу, продолжая урчащими звуками призывать свою новую возлюбленную.

Чаще всего это была опятная белая курица, худенькая, как цыпленок. Она осторожно подходила к нему, вытягивала шею и, ловко выклевав находку, пускалась наутек, не проявляя при этом никаких признаков благодарности.

Перебирая тяжелыми лапами, он постыдно бежал за нею, и, даже чувствуя постыдность своего положения, он продолжал бежать, на ходу стараясь хранить солидность. Догнать ее обычно ему не удавалось, и он в конце концов останавливался, тяжело дыша, косился в мою сторону и делал вид, что ничего не случилось, а побежка имела самостоятельное значение.

Между прочим, нередко призываю оказывались сплошным надувательством. Клевать было нечего, и куры об этом знали, но их подводило извечное женское любопытство.

С каждым днем он все больше и больше наглел. Если я переходил двор, он бежал за мною некоторое время, чтобы испытать мою храбрость. Чувствуя, что спину охватывает морозец, я все-таки останавливался и ждал, что будет дальше. Он тоже останавливался

лось, выключить мне глаза. Я удачно прикрыл табуреткой, и он, ударившись о нее, шлепался на землю.

Оцарапанные руки мои кровоточили, а тяжелую табуретку все труднее было держать. Но в ней была моя единственная защита.

Еще одна атака — и петух мощным взмахом крыльев взлетел, но не ударился о мой щит, а неожиданно усился на него. Я бросил табуретку, несколькими прыжками достиг террасы и дальше — в комнату, захлопнув за собой дверь.

Грудь моя гудела как телеграфный столб, по рукам лилась кровь. Я стоял и прислушивался: я был уверен, что проклятый петух стоит, притаившись за деревью. Так оно и было. Через некоторое время он отошел от дверей и стал прохаживаться по террасе, властно цокая железными когтями. Он звал меня в бой, но я предпочел отсидываться в крепости. Наконец ему надоело ждать, и он, вскочив на перила, победно закукарекал.

Братья мои, узнав о моей баталии с петухом, стали устраивать ежедневные турниры. Решительного преимущества никто из нас не добился, мы оба ходили в садинах и кроподтеках.

Теперь он чувствовал себя на террасе, как на оккупированной территории.

Бои проходили в самых различных местах: во дворе, в огороде, в саду. Если я влезал на дерево за инжиром или за яблоками, он стоял под ним и терпеливо дожидался меня.

Чтобы сбить с него спесь, я пускался на разные хитрости. Так я стал подкармливать кур. Когда я их звал, он приходил в ярость, но куры предательски покидали его. Уговоры не помогали. Здесь, как и везде, отвлеченная пропаганда легко сорвавшая язву выгоды. Пригоршни кукурузы, которую я швырял в окно, побеждали родовую привязанность и семейные традиции доблестных яйценосок. В конце концов являлся и сам паша. Он гневно укорял их, а они, делая вид, будто стыдятся своей слабости, продолжали клевать кукурузу.

Однажды, когда тетка с сыновьями работала на огороде, мы с ним схватились. К этому времени я уже был опыт-

КОТ ПРЕЗИДЕНТА

МОЛОЧНЫЙ ВОДОПАД

По дороге на Рицу, неподалеку от Голубого озера, есть водопад. Вспененный поток с шумом падает с высокой скалы, и весь он белый-белый, как молоко.

Однажды Михаил Темурович вез делегацию китайских товарищев к озеру Рица, показывал им чудеса абхазской природы, и по пути они остановились возле того водопада. Китайцы были в восторге от всего увиденного и спросили Михаила Темуровича, отчего водопад такой белый. И он ответил:

— Вы не думайте, что это вода, этот водопад целиком из молока. У нас там, в горах, высоко, есть ферма, где находятся 3567 коров. Каждое утро их доят, и транспортировка молока к молокозаводу, находящемуся на берегу моря, осуществляется вот таким способом. А то ведь к ферме нет автомобильной дороги. Наш метод — суперноваторский, и результат замечательный: мы сильно снижили себестоимость молока: литр молока обходится нам в одну копейку.

Затем спросил у изумленных китайцев: «Сколько вас миллионов?» Китайцы отвечают: «Почти миллиард». Тогда Михаил Темурович говорит: «Давайте объединимся, вы — китайцы и мы — абхазы. Тогда нас будет не почти, а ровно миллиард».

ПОСЫЛКА

Сторожа Всесоюзного научно-исследовательского института субтропических культур задержали на институтской мандариновой плантации пожилую женщину, жившую по соседству, и привели в кабинет к Михаилу Темуровичу — она, мол, мандарины воровала.

Михаил Темурович посадил женщину в свое кресло и сказал сторожам:

— Запомните: женщина никогда не ворует, она просто берет то, что ей понравится.

Затем поблагодарил сторожей за бдительность и попросил оставить их наедине.

— Простите меня, Михаил Темурович, я хотела послать к Новому году мандарины в Россию, родственникам, а с моей пенсии ничего не купишь, самой еле хватает.

Михаил Темурович взял у женщины адреса ее родственников и послал им ящики с мандаринами — от ее имени.

В России у нее оказалось одиннадцать родственников.

ЭКСКУРСИЯ

Я был учеником седьмого класса Тамышской средней школы. Учитель истории повез нас, четырех отличников, в Ленинград, чтобы показать нам исторические места, музеи, «Аврору». Я никогда не забуду тот Новый год.

В Ленинграде мы неожиданно наткнулись на Бгажба. Он и мой учитель были одноклассниками. Бгажба очень обрадовался нашей встрече. «Я жду вас сегодня вечером в ресторане гостиницы, — сказал он учителю. — И детей обязательно приведи, пожмите только не явиться!» Попрощался, еще раз расцеповал всех нас — спешил.

Через несколько часов мы очутились в фешенебельном ресторане «Астория». Гостями его были также венгерские и румынские товарищи.

Слегка опьянев, он представил своим гостям нашего учителя как министра просвещения Абхазии, а нас объявили победителями конкурса вундеркиндлов в Париже, как он сказал, в конкурсе планетарного значения.

Нас как громом поразило, но что нам было делать?

Выдав эту информацию, Бгажба тут же известил изумленно-обрадованных гостей, что дети знают химию, физику, математику и историю на уровне кандидатов наук и, кроме того, свободно разговаривают на абхазском, мингрельском, русском, грузинском, армянском, турецком, греческом, древнееврейском, древнеиспанском, древнеяпонском, таиландском, македонском языках и еще на языке одного из африканских племен — урду, точнее — на одном из его диалектов.

У нас кусок застрял в горле. Учитель едва не сбежал.

— Вот, посмотрите, какие интересные дети, у них будет экзотическая жизнь; не жизнь, а праздник, — говорил он.

Гости дарили нам сувениры, щупали нас: вправду ли мы обыкновенные дети?

Потом на глаза Михаилу Темуровичу попался прогноз погоды на экране телевизора. Там объявляли, что на побережье Черного моря выпал большой снег, на дорогах частично нарушенено движение.

Он тут же попросил телефон. Телефон принесли прямо на стол. Он отправил срочную телефонограмму в Сухуми — в обком и в Совет министров.

Я и сейчас помню ее содержание:

«Я узнал, что в Абхазии снегопад. Вообще снег — явление замечательное, но длительный и большой снегопад — нет. В связи с этим обязываю райкомы и райисполкомы, совхозы и колхозы, все население Абхазии приложить усилия, чтобы певчие птицы смогли благополучно перезимовать, обеспечить их пищей. Их гибель стала бы невосполнимой потерей для Абхазии. Приеду через два дня и лично на месте проверю проявленные вами мероприятия. Михаил Бгажба».

ГНЕВ

На одном из совещаний Михаил Темурович виновато разгневался:

— Чересчур стараемся, совершенно незачем так

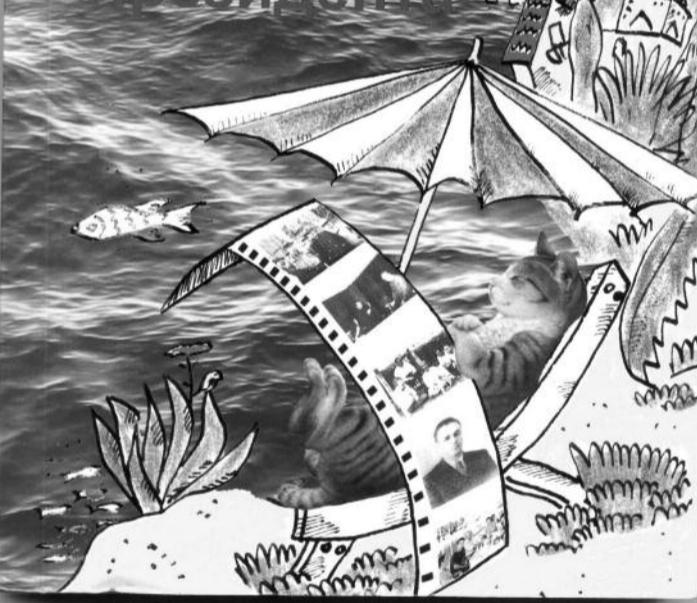
увлекаться, показывая наше гостеприимство, надо разбираться в людях, а потом и отвечать за них. Недавно приехал из Москвы инструктор ЦК, я пригласил его в дом к другу в Новый Афон, всю ночь он там веселился-радовался, развлекался песнями и плясками. А вернувшись, написал в ЦК ябеду на моего друга: откуда у него столько средств, чтобы занимать целый этаж

в двухэтажном доме?! Мы гуляли на первом этаже дома моего друга, на второй он не поднимался. Он и представить себе не мог, что друг — хозяин и второго этажа тоже. Если бы знал это, представляете, что бы еще понаписал он в своем доносе?

СОВЕТ

Во времена Бгажба, когда он был Первым секретарем, я был председателем колхоза села Цебельда Гульрипшского района. Вот расскажу вам сейчас один

Гурам Одишария
Кот Президента

случай. Было время уборки урожая кукурузы, вся деревня вышла в поля. Ломаем кукурузу, план над нами, должны мы его выполнить. Я тоже все время на колесах, по горам, по полям мотаюсь. Погода хорошая, солнечная, дожди совсем не мешают.

Короче, однажды в какой-то бригаде напоили меня чай, и в коттору я вернулся сильно пьяный. По дороге чуть не врезался в дерево на своем «Виллисе». Шофер мой был пьянее меня, и за рулём сидел я сам, а мой шофер спал на заднемсиденьи.

Здание конторы было старое, мы все в одной комнате размещались, а в другой лежало сено. Был у меня тогда бухгалтер, тихий пройдоха, плут еще тот, все о моем месте мечтал — он, мол, грамотный, хватался; какой-то документ имелся у него, как будто закончил он какое-то училище. И потому трепался, что я не имел высшего образования. В общем, метил на мое место.

Ну, вот и говорю я тому бухгалтеру: «Пьянь я вдрызг, посплю там, на сене, и, кто бы ни спросил меня, говори, мол, в поле я; а потом в район поеду по делам».

«Да, — говорит, — конечно, так и сделаю».

Когда проснулся, уже вечерело. Я встал и пошел в свою комнату. Сидит себе мой бухгалтер и что-то пишет, да еще костяшками счетов пощелкивает. «Не искал ли меня кто?» — спрашиваю. «Да, искали, Бгажба приезжал и спрашивал». И так он это говорит мне, не поднимая головы... У меня дыхание перехватило: «Дальше-то что было?» «Не смог я его обмануть...» «Дальше?!» — говорю. «Вон там он, в соседней комнате, говорю ему... Зашел он и увидел тебя, как ты на сене хралел. Короче, велел завтра утром явиться в обком. И сказал, что ты явно чачу пил, даже сено пропиталось ее запахом. "Здорово пьет, на-верное" — так он сказал».

Ну, погиб я, что же ты со мной сделал, проклятый...

Подергался, подергался, но ведь не убивать же его. Только раз встречался я с Бгажба, на застолье. И чего его принесло, человека такой высокой должности, в мой задирпанный колхоз?! Я больше боялся райкомовских и райисполкомовских, разве мог подумать, что сам Михаил Бгажба ко мне пожалует! Да никогда! Но вообще-то он умел выкидывать такие номера, неожиданно сваливаясь — как снег на голову — к такому вот маленькому человеку. Ситуация его интересовала, видите ли.

Короче, на следующее утро, с дрожащими коленками, пришел я в обком — мол, Бгажба меня вызвал. Я был уверен, что дело мое конченое, обязательно снимут: во время уборки урожая председатель колхоза на сене дрыхнет, водки нажравшись, днем, при ясном солнце, а точнее — в самый полдень. Вошел, но кто бы видел меня в этот момент — язык во рту не поворачивался. Бгажба меня то о том спросит, то о сем. То о плане заговорит, то о погоде, то о хаши и похмелье. А о вчерашнем — ни слова. А я все жду: вот он сейчас налетит на меня — или вот сейчас... А он, как ни в чем не бывало, совсем о другом говорит. А в конце: ну, иди теперь, делом займись.

— Михаил Темурович, больше ничего мне не скажете? — проблеял я уже у дверей.

— Да, вот еще что скажу. Не понравился мне твой бухгалтер, нехороший он человек, мне так показалось, переведи его куда-нибудь, подумай об этом.

Я стрелой вылетел из обкома — и в колхоз. Как только приехал, сразу выдал своему бухгалтеру: «Мы не работаемся, дружище».

Он не возражал, тихо встал и тихо ушел.

ТОСТ

Да здравствуют женщины! Все женщины! Черноглазые, голубоглазые, кареглазые и синеглазые! Блондинки, брюнетки, рыжие! Да здравствуют!

Жаркие, как печки, расслабляющие, как августовское море, прохладные, как апрельский ветерок, холодные, как снег, как серебро, — да здравствуют самые разные женщины! Все!

Летние и зимние женщины! Ночные, дневные и утренние женщины! Женщины-реки! Женщины-горные вершины! Женщины-океаны! Женщины-ветры!

Да здравствуют женщины-крылья!

Женщины-пирамиды!

Женщины-айсберги!

Женщины, что слушают мир, набухшей желанием грудью, и колдовскими глазами и устами пьют мир!

Да здравствует их свет!

Женщины, что всегда куда-то торопятся, и как будто изменяют нам и одновременно — как будто верны нам и любят нас!

Женщины, ласкав и улыбкам и завлекающим изгибам которых уже миллиарды лет, и за которых пили вино из их башмачков епископы, преклонив перед ними колени!

Да здравствуют женщины, которых мы никогда не встретим и все-таки любим, и те женщины, которых мы видим ежедневно и все-таки любим! Любили, и будем любить!

Женщины Фудзиямы, женщины Сахары, женщины Ганга, женщины степей, женщины морей и океанов, прерий и гор, библейские женщины, женщины всех континентов Земли, женщины Космоса!

Да здравствуют посвященные им Тадж-Махалы, храмы, стихи, мелодии!

Да здравствуют их цвета — зеленые, красные, желтые, белые, черные!

Да здравствуют женщины, у которых есть свои поэты, и те, у которых нет, не было и не будет поэтов, воспевающих их!

Их набережные, их улицы, их пляжи, их комнаты, их телефоны, их ванные комнаты, их адреса, их посты — да здравствуют! Их духи, их дыхание, их аромат...

Их столетия, в которых они жили, и их столетия, в которых они рождаются вновь!

Да здравствуют женщины, которым повезло в любви, и те женщины, которым в любви не повезло!

Да здравствуют их тела, их платья, их косметика, их бедра, их ноги, шея, губы, груди, их жизнь, их застенчивость, их смятение, их стоны, их стиснутые бедра...

Те мгновения, когда ты умираешь, и умираешь, и умираешь в них — и все-таки живой, и кончаешься, и кончаешься в них — и вновь начинаешься...

Умираешь и закачиваешься, оживая и начинайшься, и кончаяешься, и умираешь, и оживаяешь...

Эти мгновения, эти мгновения — да здравствуют!

Да здравствуют Женщины! Все Женщины! Которые... Которых... Котор...

Так завершил он тост, и в наших сердцах внезапно засиял, забился радостный свет.

СЛЕДЫ

После смерти Бог показал человеку пройденный им жизненный путь и следы его ног на нем.

— А чьи это следы, что идут позади моих? — спросил человек.

— Мои, всю жизнь я следовал за тобой, — сказал Бог.

— Там, где мне было очень трудно, там только один след виден. Почему же ты оставил меня одного в это время?! — обиделся человек.

— Когда тебе было очень трудно, я брал тебя на руки, мой чудак. Так что не твои это следы, а мои, — улыбнулся Господь.